

Нина была лучшей в своём классе с первого дня учёбы: аккуратная, трудолюбивая, ответственная. Учителя души в ней не чаяли, знали — всегда правильно и с желанием выполнит любое, даже самое трудное поручение. И одноклассники тянулись к ней без всякой зависти, верили — всегда поможет в нужную минуту и словом, и делом. Так продолжалось полных восемь лет. А в начале девятого учебного года весёлая и отзывчивая Нина вдруг изменилась — стала замкнутой и несговорчивой.

«Что поделаешь, возраст такой, переходный, — подумали учителя. — Влюбилась, видимо...»

«Конечно, влюбилась!» — были уверены одноклассники.

Но кто этот счастливчик, поразивший воображение всеобщей любимицы, терялись в догадках и одни, и другие.

\* \* \*

Нина действительно влюбилась, и не в кого-то из одноклассников или старшеклассников, и не в кого-то из парней своего или соседнего двора — нет. Она однажды увидела в музыкальном отделе

супермаркета большой рекламный плакат — на нём призывно тянул к кому-то руку и лучезарно улыбался нарядный симпатичный паренёк. Необыкновенная, завораживающая улыбка солиста популярной молодёжной группы мгновенно околдовала Нину, ей почудилось, что этот дивный мальчик так ласково улыбается и так призывно тянет руку именно к ней.

«Боже мой! Да он же нереально красивый!» — вдруг вырвалось у неё, и она тотчас устыдилась своих слов. Так частенько восклицали её подружки, заметив на прогулке какого-нибудь незнакомого, смазливового паренька, а она всегда возмущалась: «Как это нереально? Раз нереально, значит, некрасивый!» А тут вырвалось у самой.

Нина побежала домой, включила компьютер и, услышав переливисто-нежный голосок солиста, обомлела. Этот чарующий тембр пронзил её насквозь. Она второпях надела наушники, упала в одежде на кровать, чего никогда не позволяла себе ранее, и закрыла глаза: «Она встретит его! Обязательно встретит! Но где и как?.. Да какая разница, где и как! Встретит и всё тут! И так пронзительно посмотрит на него, что он сразу поймёт, как она горячо и бесконечно любит! И это непременно взволнует его, и он тоже пылко влюбится в неё и пригласит на свидание... А потом позовёт на свою репетицию и предложит спеть дуэтом, и это будет так мило и весело, что всем в его группе понравится, даже самому продюсеру. И продюсер разрешит взять её в турне по разным городам и весям, и с той минуты они всегда будут вместе, и всегда будут счастливы...» Нина так глубоко и чувственно замечталась, что даже заблудилась в своих красочных девичьих грёзах. От переполнявших её чувств, нахлынувших неожиданно, ниоткуда, как будто что-то вдруг взорвалось внутри неё, по щекам потекли обильные ручейки солёных, но в то же время сладких и радостных слёз. И она уснула в этих блаженных слезах и пленительных грёзах, под убаюкивающую музыку в наушниках. А когда проснулась, под самый вечер, сразу поняла — она больше не сможет жить так, как жила раньше. Она страстно влюбилась: влюбилась на расстоянии, влюбилась в лучезарную улыбку с лощёного плаката и в чарующий голосок из наушников, влюбилась искренне и бесповоротно. Она вскочила, распечатала на принтере, истратив все чернила в картридже, пачку его фотографий из интернета, расклеила их по всей комнате и опять замечталась — ей совсем не хотелось возвращаться в обыденную жизнь и делать домашние задания...

\* \* \*

На следующий день Нина получила, неожиданно для всех, четвёрку. В другое время она бы расплакалась и тут же схватилась за

учебники, чтобы поскорее исправить случайный для неё балл. Но сейчас все её мысли были только о нём...

Вскоре она и вовсе получила тройку, чего с ней вообще никогда не случалось. И она опять не расстроилась. Красавчик с лощёного плаката заменил ей в мыслях всё и всех. С каждым днём она всё глубже и глубже уходила в страницы интернета, и всё дольше и дольше зависала там, жадно заглядывая всё, что хоть каким-то образом было связано с ним, и всё больше и больше влюбляясь, превратив его в своих мыслях в настоящего идола. Теперь она даже по имени боялась назвать его, чтобы не сглазить. Теперь он стал для неё Он — с большой буквы. И теперь всё, помимо мечты о нём, казалось ей бессмысленной, пустой тратой времени. Она была безмерно счастлива в своих мечтах и не хотела ничего более. Но однажды всё-таки прозрела: «В мире не только Он и она! Нет! Девчонок, влюблённых в него, тысячи! Даже в их небольшом городе есть группа фанатичных поклонниц. Они тоже все мечтают о нём! Но как?! Совершенно открыто, бесстыже!..»

— Нет! Не допущу этого! — в запальчивости вскричала Нина, прочитав в интернете очередную, совершенно нескромную, по её мнению, фантазию очередной фанатичной поклонницы.

«Но как остановить этих сумасшедших, как?.. — несчётное количество раз задавала она себе один и тот же ревнивый вопрос и в конце концов нашла на него ответ. — Надо вступить в их группу! — И тут же возник следующий вопрос. — Как это сделать? Группа закрытая, принимают в неё только по рекомендации. А кто ей даст такую рекомендацию? Кто?.. Она никого не знает из этой бесноватой компании, в которой все мечтают не о том, как любить искренне и вечно, а только о том, как поскорее познакомиться с ним любим, пусть даже самым бессовестным путём, и как потом поскорее похвалиться перед другими. Такие никогда не допустят к себе человека с иными, чистыми мыслями...»

Нина терялась в догадках и, облегчая свою ревность, стала создавать на бумаге его портреты. Она с малых лет любила рисовать и точно знала — это успокаивает. Она рисовала, рисовала, рисовала... И всё вывешивала и вывешивала на стены своей комнаты эти необычные рисунки, придуманные в мечтах. И тут её осенило: «Это же пропуск в группу! Ну кто из этих бесцеремонных фанаток сможет изобразить его не с однообразной, пусть и лучезарной улыбкой, как на всех рекламных плакатах, а разносторонним и умным, как умеет она?.. Вряд ли кто-то ещё!..»

Рисунки Нины действительно послужили пропуском в закрытую группу. Большинство фанаток отнеслись к новенькой вполне терпимо, а некоторые даже заискивающе: ведь только она могла изобразить его в самой необычной, придуманной каждой из них ситуации.

Нине понравилось преклонение девчонок перед её художественным талантом, и она захотела стать такой же, как и все её новые знакомые: сделала взлохмаченную причёску, надела истрёпанную одежду и причудливые украшения и изменила имя, как было принято в группе — во всеуслышание назвала себя Нинель.

Сначала такому чудаковатому заявлению никто особого значения не придал. Всем это показалось временной молодёжной блажью. Да не тут-то было. Нина отказывалась вступать в контакт с одноклассниками и с друзьями со двора, отвечать на уроках, есть и пить дома, если её не величали Нинель.

«И зачем это ей?.. — стали неодобрительно усмехаться одноклассники и друзья со двора. — Нелепо ведь!..» Но потом хорошенько подумали и решили, что это вполне современно и остроумно.

«Это безответственно и неприемлемо в школе! — негодовали учителя на первых порах, но тоже хорошенько подумали и успокоились: — Ничего страшного, порезвится немножко и угомонится. С кем не бывает в юности подобных страстей...»

Родители были ещё в большем удивлении от неожиданной перемены в поведении Нины, чем одноклассники и учителя, и быстрее их пошли у неё на поводу.

«Ладно уж!.. — тяжело вздохнул отец. — Нинель так Нинель. А то умом тронется, если не будет ни с кем разговаривать».

«Заболееет дитя, если будет плохо есть! — плакала мать. — Не купишь потом здоровья!..»

К мнению Нинель многие прислушались. Это ей жутко льстило. Особенно тешило самолюбие, что она стала весьма популярной в группе фанаток.

Девчонки собирались по воскресеньям на даче у одной из участниц группы и безудержно фантазировали о судьбоносной встрече со своим кумиром, под его сладковатые, чарующие слух песенки, доводя себя чуть ли не до транса.

Нинель упивалась новой жизнью. Ей, как и всем девчонкам в группе, казалось, что так ярко, весело и беспечно будет вечно. Но постепенно однообразная, предсказуемая суета, пусть яркая и ве-

сёлая, стала тяготить её с каждым днём всё больше и больше: и оттого, что надежды на встречу с ним было совсем мало, и оттого, что фанатичные девчонки становились в своих выдумках всё смелее и смелее — они готовы были ради встречи с ним на любой, даже самый нелепый поступок. Нинель каждое новое воскресенье порывалась уйти из группы навсегда, но непременно ловила себя на мысли, что в коллективе всегда легче, что сама совсем сойдёт с ума от неразделённой любви, и всё терпела и терпела эту пустую суету. И всё-таки терпение её лопнуло, когда одна из наиболее активных поклонниц потребовала изобразить себя вместе с ним на берегу моря — в бикини и в страстном поцелуе...

\* \* \*

Нинель в горячке забралась на плоскую крышу нежилой четырёхэтажки, которую по слухам скоро должны снести и на её месте разбить небольшой красивый сквер. Без колебаний подошла к краю, посмотрела вниз и ей вдруг стало страшно. Не от высоты. Нет. А от того, что она уйдёт из жизни так и не увидев его, так и не сказав ему ни одного слова, так и не объяснив, что она — только она во всём свете чисто и преданно любит его и мечтает о встрече не ради какой-нибудь выгоды и личной славы в соцсетях, как все эти самолюбивые, без меры бойкие девчонки из её группы. Нет. Она любит по-настоящему...

«Ах!.. — печально вздохнула Нинель. — Вот если бы я его встретила, я бы ему всё объяснила, и Он бы меня сразу понял. Да только где я его встречу?.. Он гастролирует по областным городам... — от такой унылой мысли ей стало совсем худо, и она закрыла глаза перед прыжком... И тут в её сознание ворвалась другая мысль — дерзкая и спасительная: — Точно! Областной город! Раз Он не может приехать ко мне, значит, я должна поехать к нему!»

\* \* \*

Нинель стала лихорадочно копить деньги, откладывая всё, что давали ей родители на обеды и на карманные расходы — всё-всё, до последней копейки. В считанные дни она истощала и побледнела от недоеданий, недосыпаний и бесчисленных переживаний, связанных с этой незаурядной, но исключительно надуманной любовной историей. Её яркие щёчки поблели, носик заострился, под глазами появились большие тёмные пятна, и даже сами глаза, — некогда небесной синевы, приводившие в восхищение всех её подружек, а мальчишек так и вовсе сражали наповал, — потускнели...

Родители ежедневно задавались одними и теми же вопросами: «Как такое могло произойти с их единственной, ласковой и послушной дочерью? Как?! Что её привело к такому образу жизни? Что?! Они ли допустили какой-то просчёт в воспитании, или школа? И какой просчёт, и когда?..» Они не смекнули, что это абсолютно случайный, субъективный фактор, и решить проблему можно было сравнительно просто — самим заинтересоваться увлечениями дочери. Как в народе говорят: «Клин клином вышибают». Но они, будучи в глубоком отчаянии, пошли совсем другим путём.

Отец первый попытался образумить упрямую дочь твёрдым мужским словом и непререкаемым авторитетом в семье, как было прежде. Но «твёрдое» слово не помогло, и он в высшей степени смутился неожиданно для самого себя и, компенсируя своё смущение, вознамерился было применить силу, однако выяснилось, что с женщиной он воевать не может, если даже она всего-навсего юная девушка и его собственная дочь. Он бессвязно пробурчал: «Ты погляди, какая умная стала! Говорить не хочет! В современной музыке мы, видишь ли, не разбираемся!..» — только и всего.

Мать оказалась характером потвёрже. «Выключи ради бога эту дрянную музыку, сил больше нет слушать!» — кричала она в сердцах, когда Нинель запускала по вечерам компьютер и из стереоколонок безудержно вырывался за пределы её комнаты переливисто-звонкий голосок.

Мать вихрем залетала на территорию дочери, превращённую в музей голосистого сорванца, тянула её за руку на кухню и, пытаясь хоть немножко накормить, вразумляла:

— Посмотри, ну посмотри на кого ты стала похожа! Кожа да кости! Рассудка ведь лишишься! Забудь этого сопливого мальчишку!

Только всё было тщетно. Нинель по-прежнему кушала через силу и общалась с родителями всё больше однозначно: «Да, нет, не знаю...». А если и говорила, то всегда одно и то же — просила, чтобы её оставили в покое и не мешали жить так, как ей хочется. И опять надолго уходила мыслями в себя. Со стороны казалось, что жизнь её вовсе перестала интересовать, что она всё делает инстинктивно, по инерции. Но это было совсем не так — внутренне Нинель горела: и чем ближе становилась её мечта к исполнению, тем всё ярче, и ярче. Она уже и город выбрала, в который поедет на встречу с Ним, и для этой вожделенной поездки оставалось всего-ничего — поднакопить ещё немножечко, совсем чуть-чуть. Только это чуть-чуть, вот-вот могло привести её к большому нервному срыву. К счастью, в это сложное, мучительно-тягучее время произошло неожиданное, просто-таки ошеломительное

событие. Нинель возвращалась из школы: как всегда, в глубокой задумчивости, как всегда, в наушниках, в которых, как всегда, звучали его песни, и она, как всегда, ничего не замечала вокруг, как и во все предыдущие дни, с тех пор, как страстно влюбилась в его образ — и тут перед ней вдруг возникла большая красочная афиша... Она во весь голос вскрикнула, крайне встревожив на автобусной остановке нескольких добропорядочных старушек, чинно ожидавших своего рейса: кто-то из них всплеснул от неожиданности руками, а кто-то даже схватился за сердце...

\* \* \*

«Я встречу с ним! Обязательно встречу! Он поймёт меня и тоже полюбит!..» — так теперь заканчивались любые мысли Нинель, с чего бы они ни начинались, и она стала в нетерпении считать не только дни до встречи с ним, но и часы. И этот выстраданный, долгожданно-радостный для неё день, пусть и ветрено-хмурый, и обыденный для большинства других жителей города, в конце концов настал. А затем и час...

«Я люблю тебя! Ты самый красивый и гламурный!» — визжали в экстазе и высоко подпрыгивали на одном месте ретивые поклонницы, сгрудившиеся около сцены, на которой то как козлик скакал, то как птичка порхал их идол. Глаза у девчонок неистово сверкали от слёз умиления, а зрачки от восторга расширялись так, что чуть ли не вытесняли из глазниц белки... Они заводились с каждой минутой всё больше и больше, и концу концерта совсем обезумели — стали бросать на сцену личные вещи и скандировать: «Возьми меня! Возьми!»

Нинель тоже обезумела от невероятно громкой музыки, воплей зрителей и диких плясок идола и как многие другие ярые поклонницы высоко прыгала на одном месте и пронзительно кричала: «Возьми меня! Возьми!» В одной руке у неё была его фотография, а в другой букетик подснежников, которые услужливо продавали у входа в дом культуры всегда ворчливые, но добросердечные старушки.

Громоподобная музыка вдруг прекратилась. Он с лучезарной, хорошо отрепетированной улыбкой и с воздушными поцелуями зрителям, вприпрыжку подскочил к краю сцены, подхватил одну из девчонок за руку и легко выдернул из бушующей толпы к себе. Этой девчонкой оказалась Нинель. То ли она прыгала всех выше и чаще, несмотря на свой небольшой росточек, то ли кричала всех громче и волнительнее, несмотря на подсевший к концу концерта тоненький голосок, то ли это просто было дело его величества случая — необыкновенно счастливого случая, о котором она так молила судьбу... Как

бы там ни было, её заветная, но призрачная мечта, — как казалось многим её друзьям, — нежданно-негаданно сбылась. Теперь только оставалось околдовать его пылким, бесконечно влюблённым взглядом, как она мечтала в своих грёзах, чтобы Он сразу, без лишних слов всё понял. Но глаза от переизбытка чувств неожиданно заполнились слезами. Заметив её полубормочное состояние, он не стал приставать с какими-либо вопросами, выхватил из её исхудалых ручонков букетик уже подвявших подснежников, приложил его к сердцу и бросил в зал ликующим поклонницам. Букетик в полёте рассыпался на отдельные стебельки и за них тотчас развернулось нешуточное соперничество. А он тем временем быстро расписался фломастером на обеих ладошках Нинель, — фотографию она выронила, когда взлетела, как пушинка, на сцену, — поцеловал её в щёчку, затем в другую... И она провалилась куда-то в пустоту...

\* \* \*

Очнулась Нинель в небольшом, ярко освещённом лампами дневного света помещении, сидя в глубоком кожаном кресле. Голова её кружилась и сил, казалось, совсем не было. Тем не менее она слегка приподнялась и испуганно вскрикнула — на неё в упор удивлённо смотрело какое-то взлохмаченное, тощее существо...

— Тише, тише... — раздался за спиной приятный женский голос и к её губам прикоснулся стакан. — Выпей холодной водички, сразу полегчает.

— Где я?.. — всё ещё в испуге, прошептала Нинель.

— В гримёрке.

— А это что? — ткнула Нинель трясущейся от волнения рукой в мрачное, фиолетово-лиловое существо напротив неё.

— Это зеркало, а в нём твоё отражение. Видишь, как разволновалась, вся косметика от слёз расплылась.

— А вы кто?

— Костюмер, гримёр и парикмахер группы. Всё в одном лице. А ещё кормлю ребятешек, так сказать, мать родная.

И тут Нинель, наконец, поняла, где она находится и, преодолевая слабость, вскочила на ноги.

— Он на руках принёс тебя сюда и долго ждал, пока придёшь в себя. Но вынужден был уехать вместе с коллективом в гостиницу. Ребятам нужен отдых, завтра у них ещё один большой концерт в вашем городе, — добродушно и подробно разъяснила суть дела «мать родная» и сунула Нинель в руки конверт. — Это тебе. Контрамарка.



— Мне? — в растерянности взяла Нинель в руки конверт. — Контрамарка?!

— Тебе, — усмехнулась «мать родная», видя, что девчонка не понимает сути дела, и в очередной раз добродушно пояснила: — Это бесплатный билет на завтрашний концерт. Подарок от него. Видно, понравилась ты ему...

\* \* \*

Слова «матери родной»: «Видно, понравилась ты ему...» окрылили Нинель.

«Раз Он выбрал именно меня, значит, это судьба, значит, я понравилась, значит, Он без слов увидел то, что я хотела сказать. На втором концерте я точно не упущу случай!», — в упоении мечтала Нинель и считала уже не дни и часы, как прежде, а минуты до новой судьбоносной встречи. Но на втором концерте, как она ни старалась громко кричать и как ни старалась высоко и часто подпрыгивать и махать ему руками, он лишь подмигнул ей и выдернул на сцену совсем другую взбалмошную девчонку, и почём зря обнимал и целовал эту несносно визжавшую от восторга глупышку на глазах у всего зала. Да что там на глазах у всего зала! Он всё это бессовестно проделывал на глазах у неё, так чисто и преданно любившую и так искренне верившую в их общую судьбу!..

Не в силах более терпеть издевательства над своей заветной девичьей мечтой, Нинель в истерике бросилась домой, сорвала со стен все его фотопортреты и рисунки, разорвав их в клочья, безжалостно переломала все компакт диски и стёрла из компьютера все папки, в которые усердно скачивала из интернета всевозможные сведения о нём. Затем зашла в поисковую систему Google, где накануне случайно обнаружила дикую, как ей тогда показалось, информацию. Но это было тогда. А сейчас, будучи в крайне угнетённом состоянии, ей вдруг захотелось подробнее изучить ту бесчеловечную статью...

Несколько минут спустя Нинель возмущённо фыркнула, поймав себя на мысли, что обыкновенный, уже проверенный ею путь на крышу дома куда проще любых замысловатых заморочек дьявольски хитрого советчика...

\* \* \*

Нинель во-второй раз забралась на крышу заброшенной четырёхэтажки, мокрую и кроваво-красную от лучей заходящего за горизонт багрового солнца, и во-второй раз подошла к краю.

«Пусть все узнают, кого они потеряли! Пусть!.. И этот красавчик пусть узнает!..» — в слезах шептала Нинель, спёкшимися от волнения губами. Её долгожданная романтическая мечта так и не сбылась — в одночасье, нелепо, и не по её вине. Ей было невыносимо больно и у неё теперь осталось только одно страстное желание — ей хотелось, чтобы все на свете пожалели её, пусть и посмертно. В эти кошмарные минуты она даже не удосужилась подумать о родителях — как они переживут такую утрату, и переживут ли?.. Волнение и эгоизм начисто затмили её разум. Она закрыла глаза и стала считать вслух:

— Раз, два...

Рядом вдруг кто-то кашлянул.

Нинель вздрогнула, открыла глаза и увидела в сторонке незнакомого парня с гитарой за спиной. Он тоже стоял на краю крыши.

— Эй, ты чего? — окликнула Нинель незнакомца.

Но тот не отозвался.

— Эй, ты чего?.. — повторила Нинель, в растерянности.

— А ты чего? — повернулся к ней парень. — Из-за любви жить не хочешь?

— Да, — невольно призналась Нинель.

— Тогда иди ко мне. Говорят, сообща легче помирать... — протянул он руку.

И Нинель, будто загипнотизированная, послушно подошла.

— Прыгаем на счёт два, — спокойно сказал парень и крепко сжал её руку.

— А почему на счёт два? — насторожилась Нинель.

— Потому что нас двое, — охотно пояснил парень и стал медленно считать. — Раз, два... — И внезапно спросил: — Ты из-за кого здесь?

Оглушённая прямым вопросом Нинель окончательно растерялась и начала торопливо и сбивчиво рассказывать о своей несчастной любви.

— Да ну его к чёрту! — перебил её незнакомец. — Подумаешь, артист. Я тоже играю на гитаре в Доме культуры.

— Правда? — встрепенулась Нинель, возвращаясь в реальную жизнь. — В настоящем ансамбле?

— Правда. А тут иногда репетирую, подальше от посторонних глаз... — улыбнулся парень, так же завораживающе, как и её недавний кумир с лощёного плаката, и вкрадчиво поинтересовался. — Зовут-то тебя как, красивая?

— Зачем тебе это в такую минуту? — удивилась Нинель.

— Да видишь ли, — заискрились глаза парня, — влюбился я...

— Влюбился?! — ещё больше удивилась она.

— С первого взгляда! — подтвердил незнакомец и подхватил её на руки.